

ПОЛИТИЗАЦИИ ИСТОРИИ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Шевцов Ю.В. Новая идеология: голодомор. М.: «Европа», 2009. 184 с.

Рецензия – Анастасия Понамарева

В мире, где, по хлесткому выражению французского философа Эрнеста Ренана, существование нации представляет собой «ежедневный плебисцит»¹, общее, эмоционально окрашенное прошлое является одним из важнейших механизмов поддержания гражданской лояльности на уровне, достаточном для выживания государства. Постоянное обращение к коллективным воспоминаниям и регулярное проведение соответствующих церемоний выступают надежным средством воздействия на социополитический статус-кво группы. Так, социальное припоминание является органической составляющей процесса построения социальной идентичности наряду с социальным творчеством (в ходе которого члены социальных групп могут переопределить параметры межгруппового сравнения) и социальным соперничеством (коллективными действиями с целью изменения социальной структуры). При этом историческую память отличает избирательность особого рода: в общественном сознании всплывают те события прошлого, которые в наибольшей степени отвечают вызовам сегодняшнего дня.

Как отметил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, «политизация истории превратилась в государственное дело в целом ряде стран»². Наиболее заметных успехов в данной области добились власти Украины, положившие в основу национальной и государственной идеологии страны концепцию *голодомора*, в рамках которой массовый голод 1932–1933 гг. интерпретируется как вызванный сознательными и целенаправленными усилиями советского руководства по подавлению этнических украинцев. Агрессивная кампания по признанию голода 1932–1933 гг. геноцидом украинского народа разворачивается в полном соответствии с постмодернистскими теориями конструирования нации. Но как отмечали теоретики Чикагской школы социологии Уильям Томас и Флориан Знанецкий, «если люди определяют ситуации как реальные, то следствия этих ситуаций также реальны»³. Стремление избежать тягостных последствий надуманных мифов вынуждает российскую сторону на самых разных уровнях прилагать усилия к развенчанию подобных политических спекуляций.

В данном контексте, в качестве своеобразного *нашего ответа Чемберлену*, может рассматриваться работа Ю.В. Шевцова «Новая идеология: голодомор», в которой автор предпринимает попытку отделить массовый голод 1930-х гг. XX в. – часть реальной истории *раскрестьянивания* СССР – от мифа о намеренном геноциде украинцев русским народом.

Исследование Ю.В. Шевцова построено преимущественно на дополнении и пересмотре работы Роберта Конквеста «Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом» на базе привлечения значительного объема архивных документов и материалов по данной теме. Помимо студентов и преподавателей гуманитарных дисциплин, издание адресовано тем, «кто интересуется идеологическими войнами современности». Ориентация издателей на максимально широкую аудиторию и соответствующая

этому максимально доступная форма изложения также отвечают задаче недопущения превращения трагедии всего советского народа в средство укрепления украинского национализма.

Книга Ю.В. Шевцова начинается с вопроса, когда именно политическая трактовка трагических событий 1933 г. обретает статус проблемы международного уровня. За соответствующую *точку отсчета* выхода темы *голодомора* за пределы внутриукраинской дискуссии автор принимает 25 сентября 2008 г. – официальное признание Конгрессом США событий 1933 г. геноцидом украинского народа. По мнению Ю.В. Шевцова, данное решение Конгресса отражает не столько стремление американского истеблишмента продемонстрировать готовность поддержать украинские власти в борьбе с Россией, сколько свидетельствует о востребованности мифа о голодоморе всеми слоями американского общества.

Очевидно, что новые независимые государства, появившиеся на карте Европы в результате распада СССР, должны были столкнуться с необходимостью формирования собственной национальной идентичности и поиска национальной идеи. Объединение нации на основе *комплекса жертвы* представляется вполне предсказуемым, но не становится от этого менее опасным. Достаточно вспомнить, что приход национал-социалистов к власти в Германии 1930-х гг. XX в. во многом стал возможен благодаря умелому использованию объединяющего потенциала идеи *ущемленности* прав немецкого народа по итогам Первой мировой войны. Осмысляя развитие современного национализма восточноевропейских народов, Ю.В. Шевцов видит его главную задачу в нивелировании морального значения победы советского народа во Второй мировой войне. Обвинения советского режима в проведении политики геноцида по отношению к восточноевропейским народам, активное «раскручивание» в западных СМИ тем Катини, репрессий в отношении литовцев в 1940–1941 гг., голодомора и т.д. подводят общественное мнение к мысли о возможности признания коммунизма, воплощенного в СССР, злом если не большим, то равным нацизму. Подобная трактовка, как справедливо отмечает автор, позволяет оправдать участников движений, подобных Украинской повстанческой армии, польской Армии Крайова, прибалтийским легионам *Ваффен СС*.

В жонглировании аргументами с целью добиться окончательного морального осуждения коммунизма и СССР крайне значимым представляется масштаб рассматриваемых трагедий. И, будучи соответствующим образом интерпретированным, голод 1933 г. может претендовать на роль «самого большого преступления власти против народа», что обуславливает дополнительную актуальность темы *голодомора* в определенных кругах. «Голодомор – тоталитарная в своей основе идеологическая конструкция, – резюмирует Ю.В. Шевцов. – Она выводит проблему осуждения советского коммунизма за рамки украинского национализма, хотя и работает, в том числе, и на украинскую националистическую идентичность» (с. 11).

В становлении восточноевропейского неонацизма автор видит угрозу не столько России, сколько объединенной Европе. Избрание восточноевропейскими государствами пути консолидации граждан на основе радикального национализма расшатывает одну из основ современной европейской общности – однозначное осуждение нацизма, что, в свою очередь, наносит удар по ЕС как интегрированному и конкурентоспособному на мировой политической арене пространству.

С точки зрения Ю.В. Шевцова, «аморализация, которую восточноевропейские страны выдвигают через концепты геноцида и героизации коллаборантов, нацелена на разрушение понимания глобальной ответственности стран развитой части мира перед остальным человечеством» (с. 16). И то, в какую сторону развернется общеевропейская дискуссия о голодоморе, также определяет направление дальнейшего культурного и политического развития Европы.

Опровергая миф о геноциде украинского народа, автор обращается к истории, предшествовавшей 1933 г. В интерпретации Ю.В. Шевцова голод предстает структурным явлением, имманентным ведению крестьянского хозяйства. В работе приводятся ста-

статистические данные, доказывающие, что каждый регион России минимум раз в 10 лет сталкивался с угрозой голода.

Российская деревня делилась на две непропорциональных части: кулацкие хозяйства, способные самостоятельно пережить голодные времена, и бедноту с некоторой долей середняков, которых неурожайные годы заставляли фактически продаваться крупным собственникам. Подобное разделение обуславливало невозможность выстраивания в деревенской общине действенной, интегрированной морали. Ю.В. Шевцов обращает наше внимание на то, что обычно остается в тени подобных исследований – борьбу внутри самой деревни. Он рассматривает историю коллективизации, сползания в голод и выхода из голода, в первую очередь, как «историю борьбы, развернувшейся внутри самой деревни» (с. 41). В голоде 1932–1933 гг. автор видит следствие кризиса деревни как социального института, отражение процесса постепенного размывания деревенской культуры.

Тот факт, что в ходе ожесточенных дискуссий о направлении реформирования аграрного сектора экономики был избран путь коллективизации, а не создания фермерских хозяйств столыпинского типа, объяснялся также стремлением власти удовлетворить ожидания своей наиболее надежной группы поддержки – бедняцкого полюса в деревне. Неслучайно мероприятия по ревизии зерна, проведенные в Западной Сибири в 1928 г. и ставшие своеобразной репетицией дальнейших одиозных *продразверсток*, были поддержаны на деревне именно по причине своей *антикулацкой* направленности. Очевидно, что мирное сосуществование колхоза, объединившего середняков и деревенскую бедноту, и кулака было невозможным. При этом политической борьбе в деревне были приданы легитимные формы совместных собраний, открытой критики и самокритики, что позволило сохранить над ней определенный властный контроль.

В противостоянии двух полюсов деревни автор выделяет не только экономический, но и культурный аспект. Это было противоборство двух ценностных моделей мироустройства, где идеалы частной собственности, патриархальной семьи, стремление к индивидуальному обогащению и следование *праву сильного* конкурировали с верой в возможность ведения общего хозяйства, в приоритет коллективного над частным и солидарностью в борьбе с испытаниями. С точки зрения Ю.В. Шевцова, одним из решающих ударов, разрушивших саму основу кулачества как социального института, стало вмешательство государства в дела семьи и разрушение ее патриархальной идеологии с высвобождением женщин, молодежи и детей для работы за рамками одного домохозяйства. Культурная революция сделала молодежь ударной силой внутридеревенского противостояния. Деревенский бедняк успешно справлялся с возложенной на него государством полицейской функцией собирания излишков зерна с более крупных хозяйств. Основная задача раскулачивания была выполнена: деревня лишилась ядра носителей *антисоциальных* ценностей. Однако промышленность не смогла обеспечить необходимой техникой все колхозы в масштабе страны, а сами колхозы, созданные на руинах хозяйства деревни, не привели к быстрому росту производства.

Дополнительно осложнила ситуацию убежденность центральных властей в том, что причины столь явного расхождения ранее сделанных выборочных замеров по урожайности полей и фактического уровня собранного урожая носят не объективный характер, но обусловлены целенаправленным сокрытием зерна крестьянскими хозяйствами. В сознании правительственных чиновников сработал стереотип времен гражданской войны – кулак, удушающий советскую власть *костлявой рукой голода*. Подобное видение ситуации хорошо вписывалось в партийную доктрину обострения классовой борьбы по мере строительства социализма и подкреплялось тем фактом, что наименьший уровень госпоставок отмечался именно в зерноводческих регионах. Центр поставил под сомнение политическую благонадежность чиновников на местах, возникла очередная теория всеобщего заговора с участием отдельных местных чиновников, руководителей ряда колхозов, представителей оппозиции и западных спецслужб, направленного на экономический подрыв процесса индустриализации в стране. В результате была развернута активная борьба не столько с причиной, сколько со следствием проблемы: ответом города на так называемый *массовый саботаж крестьян и происки регионалов*

стали *черные доски* и коллективная ответственность за недопоставки хлеба. Главным эпизодом в войне Центра и регионов стало изъятие из деревни всего зерна по всему СССР в октябре-декабре 1932 г., что позволило федеральным властям перейти к политическому подавлению своих противников на местах.

Многослойная чистка деревни рубежа 1932–1933 гг., выразившаяся в массовой борьбе с *проникновением кулака в колхозы* и репрессиях по отношению к выдвинутым первым дней коллективизации, завершилась своеобразной сменой элит. Место ориентированных на классовую борьбу и поднявшихся на волне раскулачивания деревенских активистов заняли технократы со стороны, ставившие во главу угла выполнение плана и рост производства. С моральной точки зрения, отмечает Ю.В. Шевцов, и те, и другие могут быть названы убийцами, но разных групп людей. Таким образом, история коллективизации в работе Ю.В. Шевцова предстает «историей порождения деревней все новых волн убийц» (с. 74) до момента стабилизации сельского хозяйства и начала роста производства на коллективной крупнотоварной основе. Усилиями Центра по созданию *козлов отпущения* из руководителей на местах народный гнев был направлен в безопасное русло, т.е. на конкретных людей, а не против режима в целом. Последующие кадровые ротации также способствовали стабилизации политической ситуации в стране.

Голод 1932–1933 гг., жертвами которого стали несколько миллионов человек, был вызван сочетанием целого ряда факторов: это и массовый убой крестьянами тяглогового скота, и непоступление обещанных правительством тракторов в колхозы, и гибель значительной части урожая от локальных засух, дождей и насекомых, а также вследствие некачественной уборки. Украинцы стали не единственным народом, пострадавшим от голода 1932–1933 гг. и коллективизации в целом. Не менее тяжелая ситуация сложилась на Кубани, в Республике немцев Поволжья и особенно в Казахстане. В рамках предлагаемого Ю.В. Шевцовым рассмотрения истории коллективизации и сползания в голод как части внутридеревенского процесса причины значительных потерь от голода на территории Восточной Украины можно найти внутри украинской деревни, с характерным для нее подчинением села кулацкому полюсу общины.

В 1920-х гг. неуверенность в безопасности собственных границ в Восточной Европе и стремление мобилизовать украинское национальное чувство в интересах защиты СССР дали толчок процессу укрупнения УССР и проведения в ней политики *коренизации* и развития национальной культуры. Обострение отношений между СССР и Британией, понимание военной угрозы со стороны Польши и ее союзников вынудили советских лидеров пойти на ускоренную индустриализацию и коллективизацию и продолжить их, вопреки сопротивлению населения регионов и местных руководителей первой волны *коренизации*. Это привело к форсированию коллективизации и *затягиванию поясов* по стране в целом. В условиях активного разворачивания процесса индустриализации и оценки международной обстановки как предвоенной над городом и армией повисла угроза голода. Очевидно, что в данном контексте вопрос о том, кто будет принеся в жертву надвигающейся экономической катастрофе, не мог быть решен в пользу деревни. И при определении регионов, на которые падет основная тяжесть голода, власть избрала именно те, где пассивное сопротивление коллективизации было наиболее высоким, а процент госпоставок зерна наиболее низким.

Подобная политика отвечала логике классовой борьбы и не носила антиукраинской направленности. Пострадала украинская деревня, но даже в самые тяжелые годы коллективизации города Украины не подвергались экономическим санкциям, а между тем центр обладал соответствующими ресурсами. Напротив, к этому периоду относится развитие украинских городов и приобретение ими истинно украинского характера по языку и населению. В ходе подавления *националистов* во время голода 1932–1933 гг. столица УССР была перенесена из Харькова в Киев, тем самым украинская идентичность оказалась зримо насыщена исторической глубиной. В регион, где к тому времени этнические украинцы составляли большинство коммунистической партии Украины и занимали основные места в органах власти, переместилось индустриальное ядро СССР. С момента обретения руководством УССР контроля над большей частью промышленности и энергетики страны уже ни одна региональная элита не могла срав-

ниться с украинцами по лоббистской мощи. Характерно, что в период Второй мировой войны немцы, уходившие на запад в 1943–1944 гг., так и не сумели создать в якобы пострадавшей от политики *геноцида* Восточной Украине антисоветского движения.

Безусловно, голод 1932–1933 гг. стал ужасной трагедией советского народа и закрепление памяти об этом в этнической истории украинцев совершенно оправданно. Но называть события тех лет геноцидом значит идти против самой истории и создавать базу для последующих политических спекуляций.

Ю.В. Шевцов отмечает, что идеология голода 1932–1933 гг. как геноцида была сформулирована отнюдь не украинцами. В 1930-е гг. вслед за нацистскими газетами тему голода стали активно пропагандировать издания информационной империи Уильяма Херста. В дальнейшем значительную роль в конструировании мифа сыграли книга Роберта Конквеста «Жатва скорби» и деятельность американского политика Джеймса Мейса, сделавшего ставку на лоббирование темы голодомора через Конгресс США. Искусственность и антиукраинская направленность стали основными слагаемыми проекта *голодомор* – одного из наиболее успешных изобретений западного мира в холодной войне с СССР.

Останется ли миф о *голодоморе* болезнью роста консолидирующейся Украины, зависит не только от самих украинцев, но и от реакции международного сообщества, от степени востребованности подобных легенд основными игроками мировой политики. Важно помнить, что социальное государство – это та сфера сущего, к которой может быть буквально применима формула идеализма: «Здесь больше, чем где бы то ни было, идея есть реальность»⁴.

Примечания

¹ Renan Ernst. Was ist eine Nation? Grenzfrage. Über neuen und alten Nationalismus. Leipzig, 1993. S. 308–310. Цит. по: *Нация и национализм. История и теория в текстах и документах*. Авт.-сост., общ. ред. и предисловие О.И. Аршба и С.А. Татунц. М.: Рик Русанова, 2002. С. 7.

² Лавров С.В. Трагедия Второй мировой войны: кто виноват? *Российская Газета*, № 4986 (162). 2009. 1 сентября.

³ Thomas J.W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. N.Y., 1928, p. 114.

⁴ Цит. по: Дюркгейм Э. Коллективный ритуал (Пер. В.И. Гараджа). *Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии*. Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 469–471.

